Международные процессы, Том 14, № 4, сс. 162–165
DOI 10.17994/IT.2016.14.4.47.13

SCRIPTA MANENT
Рукописи не горят. Рецензии

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

10 concepts sociologiques en relations internationales / sous la direction de Guillome Devin. Paris: CNRS Éditions. 2015. 220 p.

10 социологических концептов в международных отношениях / Отв. ред. Гийом Девэн. Париж: Издательство Национального центра научных исследований. 2015. 220 с.

С появлением в 1970-х годах «английской школы» теория международного, а затем и мирового общества не только заняла важное место в науке о международных отношениях, но и заложила основу социального конструктивизма – все более популярного сегодня социологического подхода и метода анализа мирополитических процессов. Однако теория международного общества, как и конструктивизм, будучи социологическими по сути, формально не являются социологическими дисциплинами. Барри Бузан, один из представителей английской школы, формулирует это следующим образом: «Так как основные понятия “английской школы” – «международное общество» и «мировое общество», то это, безусловно, социологическая теория. В то же время мне неизвестно о каком-либо взаимовлиянии между «английской школой» и социологией как научной дисциплиной» [Бузан 2012: 77].

Этот парадокс, относящийся и к французской школе исследования международных отношений, восходит своими корнями к тому влиянию, которое оказал на нее Рэймон Арон. С одной стороны, он уже в 1960-х годах внес бесспорный вклад в становление и развитие социологии международных отношений. С другой – подвергнув жесткой критике профессиональных социологов за идеализм в трактовке актуальных тенденций международной политики [Aron 1963: 310; 316-317], он непроизвольно способствовал тому, что «большая социология» и наука о международных отношениях утратили друг к другу всякий интерес [Ramel 2006: 2-3].

Авторы рецензируемой книги стремятся преодолеть сложившуюся ситуацию. Разделяя ряд выводов английской школы и многие положения конструктивизма, они выдвигают менее амбициозное определение предметного поля социологии международных отношений, настаивая в то же время на более тесном соединении политических и социальных подходов в изучении мировых реалий. Как подчеркивает руководитель авторского коллектива Г. Девэн, речь идет о преимущественно эмпирическом методе анализа международных явлений и категорий, интерпретирующем их как *социальные факты*. Международную жизнь необходимо изучать *в контексте и с позиций социальных наук* вместо того, чтобы опираться в качестве исходного пункта на ту или иную из существующих теоретических парадигм. С этой точки зрения,

«главная цель социологии международных отношений, понимаемой в вышеобозначенном смысле, состоит в том, чтобы высвободить изучение международных отношений из готовых и цельных теорий и навести мосты между анализом социального и анализом международного» [Devin 2015: 5]. Один из предлагаемых путей продвижения к ней заключается в привлечении в международные исследования социологических концептов. Девэн уточняет, что такой подход нужен не для фиксации нашего восприятия международных событий и процессов, но для анализа эмпирических данных. Это *придаст данным смысл* и может привести к реинтерпретации первоначального концепта. Как настаивал еще десять лет назад Ф. Рамель, необходимо временно абстрагироваться от исследовательских категорий и подходов теории международных отношений и вернуться к исторической социологии [Ramel 2006].

В книге анализируется десять социологических концептов. Большинство из них – такие, как «сцена», «структурирование», «взаимозависимость», «доминирование», «рациональность», «конфликт» и «интеграция» – широко используются в теории международных отношений (ТМО) и являются неотъемлемой частью ее методологического инструментария. Однако анализ глубинных их оснований остается недостаточно востребованным в науке о международных отношениях, несмотря на то что их анализ мог бы расширить ее аналитический потенциал. В еще большей степени это касается таких понятий, как «поле» и «взаимность», и многих других, которые, подобно концепту «exit – voice», не встречаются вовсе. Отсюда необходимость использования их эвристического потенциала в контексте социологии международных отношений.

Например, широко известное понятие «*международная сцена*» – это не просто образ. Анализируя наследие драматургической социологии Э. Гофмана, Г. Девэн показывает связь этого понятия с определенной формой организации международного общества и присущими ей социальными технологиями. Девэн выделяет здесь три аспекта. *Во-первых*, речь идет об особых правилах поведения: в частности, о сложившихся в дипломатии кодах, нормах, ролях и статусах, упорядочивающих взаимодействие.

Во-вторых, он пишет о соперничестве взаимодействующих групп или команд, где каждая команда стремится навязать свое видение ситуации другой команде и «зрительному залу» (например, относительно того, что такое международный терроризм или имеет ли место в том или ином случае вмешательство во внутренние дела государства).

Наконец, *в-третьих*, автор указывает на управление информацией и ее фильтрацию в процессе передачи «публике» (под которой понимается международная и национальная общественность). В свою очередь, внимание Ф. Петитвиля, другого члена авторского коллектива, привлекает *не-реалистская трактовка суверенитета* в теории структурирования Э. Гидденса. Ее ценность, по мнению французского ученого, состоит в том, что она не отделяет возникновение современной межгосударственной системы от процессов внутригосударственного строительства.

Ф. Меран считает, что *концепция поля*, выдвинутая П. Бурдье, позволяет вскрыть «черный ящик» международных отношений и выявить социальную структуру, объединяющую конкретных индивидов и социальные группы, а не абстрактные системы государств, норм и идей. Главное преимущество данного подхода состоит в том, что акцент на социальных отношениях позволяет совместить попытки в русле конструктивизма, направленные на создание символических представлений, с реалистской проблематикой власти и насилия. Кроме того, он дает возможность преодолеть либеральную склонность рассматривать рост числа и многообразия обменов исключительно как фактор мира и демократизации. В этом социология МО опирается, в частности, на веберовскую теорию *трех типов доминирования* в международных отношениях. Как считает

Т. Линдеманн, она полезна тем, что остается нейтральной в плане теоретических предпочтений и поэтому может найти применение у приверженцев любой из парадигм международно-политической науки. В свою очередь, Б. Бади привлекает внимание к урокам из работ Э. Дюркгейма, имеющим значение для теории и практики современных *интеграционных процессов*. М. Альбаре видит в концепции *exit – voice* А. Хиршмана пример исследовательской модели, которая не сводит изучаемый объект (в данном случае международные организации) ни к характеру связанной с ним проблематики, ни к определенному типу субъектов. Это стимулирует возникновение новых подходов, связанных с общим сравнительным анализом игроков и вариантов действия.

Авторы книги подчеркивают, что при обращении к теоретическому наследию классической социологии и ее терминологическому аппарату социология международных отношений и ТМО приобретают новые возможности. Классическая социология помогает расширить поле зрения, сформулировать исследовательский вопрос и найти новые возможности для микроанализа при учете контекста и макросоциологических обстоятельств. Кроме того, обращение к классическому наследию создает возможности для сравнительного анализа и выстраивания аналогий (хотя, разумеется, любая аналогия имеет предел).

Соглашаясь с выводами авторов, важно отметить и некоторые пределы предложенного ими подхода.

Во-первых, хотя большинство представителей классической социологии не исключали из своего исследовательского поля вопросы международных отношений (прежде всего связанные с проблематикой войны и мира), важнее то, что никто из них не проводил четких различий между явлениями внутриполитической и международной жизни. Обе разновидности этих явлений рассматриваются ими в качестве социальных фактов, поддающихся анализу в одних и тех же категориях. В этих условиях простое, механическое заимствование данного подхода означало бы игнорирование специфики международных взаимодействий – именно то, о чем предупреждал Р. Арон. Плюрализм суверенитетов – во всяком случае, в том, что касается крупных государств – и сегодня остается реальностью. Это означает, что «социальность» и, разумеется, властные отношения имеют разное содержание в международном и национальном политическом пространстве. Не случайно специалисты в области внешнеполитического анализа, используя, например, термины «социализация» и «принуждение», вкладывают в них иное содержание по сравнению с их внутриполитическим смыслом: в международных отношениях они тесно связаны с понятиями «вмешательство» и даже «интервенция», отражающими как существующие границы между внутренним и внешним, так и возможности, не ограниченные (во всяком случае, для наиболее сильных) существованием верховной, легитимной и эффективной власти [Morin 2013: 33-39].

Во-вторых, при анализе международных явлений классическое наследие не может быть механически заимствовано еще и потому, что «классические социологи ...отстаивали необходимость искусственной гармонизации интересов, в которой индивид может рассматривать отказ от своего собственного благополучия как моральный долг перед благосостоянием многих» [Ramel 2006: 9]. Иначе говоря, касаясь международных отношений, классики социологии рассматривали их односторонне – в духе либерально-идеалистических взглядов.

В-третьих, справедливо отмечая недостаточное внимание международников к социальным факторам на фоне возрастания их роли в мировых политических процессах, представители французской социологии международных отношений подвергают ее двойному риску. Объяснение или интерпретация социального на основе социального, к которому они склоняются, способно обеднить анализ, как ранее его обеднило стремление неореалистов рассматривать политическое на основе политического. В свою очередь, если при изуче-

нии международных событий рассматривать «факты как вещи», а сам международный анализ сводить к восприятию эмпирических данных и приданию им смысла, то утрачивается теоретическая перспектива целостного, системного взгляда на мировую политику.

В конечном итоге, современное мировое развитие убеждает в том, что критика Р. Ароном чрезмерного оптимизма социологов в понимании международных отношений остается актуальной и вряд ли может быть преодолена в будущем.

В таком выводе нет ничего негативного, если воспринимать социологию международных отношений не столько как теоретическую дисциплину, сколько как методологию, которая стремится найти место самым разным, порой даже взаимоисключающим подходам при анализе межгосударственных и мирополитических реалий, придавая при этом особое значение социальным процессам, фактам и событиям. Именно в этом качестве «...социологические концепции, – как отмечали британские исследователи, – оказали более существенное влияние на теорию международных отношений, чем это часто признается, и мало кто сомневается в том, что отношения между социологией и наукой о международных отношениях – и влияние первой на вторую – в последние годы усилились...» [Lawson 2010].

Павел Цыганков
доктор философских наук

Список литературы

10 concepts en sociologie de relations internationales. Sous la direction de G. Devin. CNRS Éditions, Paris: 2015. 220 p.

Бузан Б. «Наука о международных отношениях – удел избранного круга государств...» // Международные процессы. 2012. Т.10. № 3 (30–31). С. 73–82.

Aron R. Une sociologie des relations internationales // Revue française de sociologie. 1963. Vol. 4, № 3. P. 307–320.

Ramel F. Les fondateurs oubliés. Durkheim, Simmel, Weber, Mauss et les relations internationales. Paris: PUF, 2006. 117 p.

Morin J.-F. La politique étrangère. Théorie, méthodes et références. Paris: Armand Colin, 2013. 317 p.

Lawson, G., Shilliam, R. Sociology and International Relations: Legacies and Prospects // Cambridge Review of International Affairs. 2010. Vol. 23, № 1. P. 69–86.

References

Aron R. (1963). Une sociologie des relations internationales. *Revue française de sociologie*. Vol. 4. No. 3: 307–320.

Buzan B. (2012). «Nauka o mezdunarodnih otnosheniijah – udel izbrannogo kruga gosudarstv..» [International Relations Theory is Done by a Select Group of States]. *Mezdunarodnye processy*. Vol. 10. No. 3 (30–31): 73–82.

Devin G. (ed.) (2015). *10 concepts en sociologie de relations internationales*. CNRS Éditions. Paris. 220 p.

Lawson G., Shilliam, R. (2010). Sociology and International Relations: Legacies and Prospects. *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 23. No. 1: 69–86.

Morin J.-F. (2013). *La politique étrangère. Théorie, méthodes et références*. Paris: Armand Colin. 317 p.

Ramel F. (2006). *Les fondateurs oubliés. Durkheim, Simmel, Weber, Mauss et les relations internationales*. Paris: PUF. 117 p.